

УДК 1(091)

ЛИЧНОСТЬ И МИР В ФИЛОСОФСКОЙ СИСТЕМЕ Н.А. БЕРДЯЕВА

О.А. Югова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.4.183

В статье рассматриваются вопросы взаимоотношения личности и мира в философских воззрениях Н.А. Бердяева. Личность существует в мире, но она шире, глубже и значительнее мира. Свобода личности занимает центральное положение в философии Бердяева, и не только как свобода выбора, а как свобода витального творчества.

Ключевые слова: *личность, свобода, мир, материя, вечность.*

Проблемы человеческой личности, ее места в мире, самоощущения, свободного самоопределения занимают одно из центральных мест в философской системе Н.А. Бердяева. Личность как главный ориентир и критерий, поскольку свобода, основное понятие бердяевской философии, существует в мире не сама по себе, а лишь в той мере, в которой реализуется человечеством, а точнее, каждым отдельным человеком. «Личность человеческая более таинственна, чем мир. Она и есть целый мир. Человек – микрокосм и заключает в себе все» [2, с. 9]. Бердяев настаивает на неотмирности личности, принадлежности человека к высшему миру, и утверждает, что в отношении себя всегда ощущал собственную чуждость земному, как, вероятно, это чувствуют многие думающие люди. Поэтому Бердяев так любит цитировать Достоевского, что его внимание тоже устремлено в тайные глубины человеческой личности, подсознательного, к подлинной сущности человека.

Личность находится в постоянной ситуации выбора. Отказ от выбора – отказ от свободы, то, чем, в сущности, искушает Великий Инквизитор. «Отвержение *свободы* во имя *счастья* людей, *Бога* во имя *человечества*. Этим соблазняет Великий Инквизитор людей, принуждает их отказаться от свободы, отвращает их от вечности» [3]. Причем здесь Бердяев опередил свое время, т. к. приоритет интересов личности перед общим благом был провозглашен во Всеобщей декларации прав человека на Генеральной Ассамблее ООН 10 декабря 1948 года, а философ пишет о нем в 1907 г.

Бердяев, в сущности, отрицает всякую внешнюю экспертность; в вопросах, выходящих за пределы узкоспециальных, не может быть никакого решения, кроме как принятого самим человеком. Бердяев не приемлет авторитеты: «я вижу, что никогда не знал никакого авторитета и никогда никакого авторитета не признавал» [2, с. 79]. Сам для себя

«свой высший суд», философ полагает это условием существования для каждого человека. Уклонение от свободы в попытках снять с себя ответственность за него означает отказ от того, что, собственно, делает человека личностью. Отказ от свободы, внутренне присущей человеку, унифицирует личность, лишает ее личности. Причем свобода может прямо противоречить счастью, благополучию человека, но отказ от нее отрицает самого человека.

Свободу Бердяев понимает не как свободу выбора, «не выбор между поставленным передо мной добром и злом, а мое созидание добра и зла» [2, с. 87]. Свобода – как творческое отношение к собственной жизни, в противовес к тем условным нормам, которые диктует человеку мир.

И здесь начинается проблема взаимоотношения человека и мира. Мир предъявляет к человеку требования, часто противоречащие настоящим потребностям личности. «Дух хочет вечности. Материя же знает лишь временное. Настоящее достижение есть достижение вечности» [2, с. 51]. Окружающая действительность меньше, уже личности, поскольку личность вмещает в себя больше, чем только этот мир. «Мир, раскрывавшийся во мне, более настоящий мир, чем мир экстериоризированный» [2, с. 51]. Анализируя свое собственное мироощущение, философ распространяет его на все человечество и мало находит того, что отвечало бы его высоким требованиям. «Всякая группированная масса враждебна свободе. Скажу более радикально: всякое до сих пор бывшее организованное и организующееся общество враждебно свободе и склонно отрицать человеческую личность» [2, с. 85]. И здесь с ним трудно не согласиться, поскольку личность в том виде, в каком ее абсолютизирует Бердяев, очень сложна и сама по себе, и по тем требованиям, которые она предъявляет миру. Личность не пойдет слепо ни за каким авторитетом, сколь бы общепризнанным он ни был; личностью практически невозможно управлять. Бердяев поэтому и отрицает государственность. Власть принуждает человека подчиняться, руководствуется абстрактным общественным благом, которое может оказаться самым настоящим злом для каждой отдельной личности, принадлежащей этому обществу. А поскольку каждый человек должен иметь возможность решать за себя самостоятельно, реальность этого мира, даже в самом гуманистическом варианте, постоянно вступает в противоречие с глубинными требованиями личности.

Бердяев отрицает возможность заставить человека извне, не через собственную свободу, получить какое-либо благо. «Противники свободы любят противопоставлять свободе истину, которую навязывают и заставляют признать. Но истины как навязанного мне предмета, как реальности, падающей на меня сверху, не существует. Истина есть также путь и жизнь. Истина есть духовное завоевание. Истина познается в свободе и через свободу. Навязанная мне истина, во имя которой

требуют от меня отречения от свободы, совсем не есть истина, а есть чертов соблазн. Познание истины меня освободит» [2, с. 87]. И далее: «Никакой авторитет в мире не может мне навязать эту истину. Меня нельзя насильственно освобождать» [2, с. 87]. И снова трудно не согласиться с ним в том, что самые чудовищные события в истории происходили именно под знаменем всеобщего блага, твердо установленной истины, ортодоксальными утверждениями. Истина обнаруживается всегда путем свободного поиска, сомнений, допущений другого пути к той же цели. Там, где заканчивается поиск и начинаются утверждения, не допускающие сомнений, там заканчивается и истина, и свобода.

При этом Бердяев показывает, почему, действительно, свобода может оказаться бременем, и велик соблазн отказаться от нее. «Свобода может быть безжалостна. Великий Инквизитор у Достоевского упрекает Христа в том, что, возложив на людей бремя свободы, Он не жалеет их. Свобода порождает страдание и трагизм жизни» [2, с. 93]. Здесь начинается бесконечная тема теодицеи, богооправдания – кто виноват в страданиях живущих, если они неизбежны. Бердяев для себя решает ее через распятие Христа – Бог сам принял на Себя и разделил со всеми творениями свободу и порожденное ею страдание. Теодицея – это тот философский вопрос, на который нет ответа. И Бердяев отвечает на него в русле своей философской парадигмы – если Бог подвергает человечество страданиям, то Он сам в полной мере разделяет это страдание. Вероятно, поэтому Бердяев спорит с некоторыми догматическими утверждениями церкви и отрицает ад. «Христианство всегда воспринималось мной прежде всего как милосердие, сострадание, прощение, человечность... И никогда я не мог допустить, что у Бога меньше сострадания и жалости, чем у меня, существа несовершенного и грешного» [2, с. 100–103]. Бог для Бердяева не жестокий судья, а любящий отец, страдающий своим творениям и вместе с ними несущий последствия свободы, которая, согласно теории философа, является первоначалом, существовавшим прежде всего, даже Бога.

Человеческая личность для Бердяева – это та точка фокусировки, вокруг которой строится вся его философская система. Философия Бердяева носит персоналистический характер. Для мыслителя проблема свободы неотделима от проблемы личности, человеческая личность немислима без свободы. Свобода – центральное понятие бердяевской системы взглядов, и именно поэтому для него так важна личность. Только личность может действовать и проявлять себя в пространстве свободы; свобода – это не коллективное понятие.

Для Бердяева «проблема личности есть основная проблема экзистенциальной философии. Я говорю “я” раньше, чем сознал себя личностью... Я должен реализовать в себе личность» [1, с. 296]. И это "я" здесь – любой человек, который стремится к самопознанию, стремится выйти за пределы внешней заданности и обрести себя как личность.

Мир, внешний мир, о котором говорит Бердяев, не поможет в этом – напротив, он пытается подавить личностное, творческое начало в человеке. И философ видит задачу каждого в том, чтобы перестать оглядываться на окружающее и обрести внутри себя возможность выйти за пределы внешнего, тесного, подавляющего мира к свободному витальному творчеству, к экзистенциализму в том ключе, как его понимает Бердяев – истинному свободному существованию вне любых ограничительных догм.

Список литературы

1. Бердяев Н. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 230–317.
2. Бердяев Н. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Международные отношения, 1990. 336 с.
3. Бердяев Н. Великий Инквизитор [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/velinkv.html>. (дата обращения: 23.09.2021.)

INDIVIDUAL AND THE WORLD IN THE PHILOSOPHICAL SYSTEM OF N.A. BERDYAEV

O.A. Ugova

Tver State University, Tver

The paper deals with correlation between individuality and the world in the philosophical ideas of N.A. Berdyaev. An individual exists in the world, but he is more profound and significant than the world and goes beyond it. Individual freedom is central to the philosophy of Berdyaev not only as a freedom of choice, but as a freedom of vital creativity.

Keywords: *individual, freedom, world, matter, eternity.*

Об авторе:

ЮГОВА Ольга Александровна – магистр истории, соискатель кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: Goblin-chan@rambler.ru

Author information:

UGOVA Olga Aleksandrovna – MA (in History), PhD student (in History of Philosophy), Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: Goblin-chan@rambler.ru